

АЛЕКСЕЙ СТЕПАНОВИЧ КОТКИН

25.02.1925 – 16.08.2007

Писатель, публицист

Фото из архива ЛитО «Заполярье»

СЕМЬЯ

Родился в деревне Коткино Пустозерской волости Усть-Цилемского уезда Северного края (с 1929 года – Нижне-Печорский район Ненецкого национального округа Архангельской области, в настоящее время село Коткино Ненецкого автономного округа).

Родители: отец Степан Михайлович (1893 г.р.), крестьянин, потомок мезенских оленеводов; мать Людмила Степановна (1903 г.р.), уроженка села Великая Виска.

«Принадлежу к пятому поколению первооселенцев в Присулье, которые здесь в качестве беженцев от притеснения богачеев поселились с небольшим стадом оленей зимой 1826 года».

Здесь и далее выдержки из текста
А. С. Коткина «Житейско-творческая биография»

В семье 9 детей, из них Алексей – старший. Родители занимались рыбодобычей, охотой и сельским хозяйством. До войны помогал родителям обеспечивать семью необходимым. Окончил начальную школу и шестимесячные бухгалтерские курсы в Нарьян-Маре, сразу же приступил к работе в колхозе им. Ворошилова в Коткино.

К сочинительству тянуло с детства, *«но это были, конечно, весьма нелепые вирши»*. До призыва на военную службу пробовал писать рассказы, но, как он считал, *«получалась нелепица, и причиной была элементарная малограмотность, от которой мне удалось избавиться после войны, когда я был уже семейным человеком»*.

Жена Таисья Акимовна Банина – учительница, вырастили пятерых детей: трех дочерей и двух сыновей.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

«...И гордость за свою великую Родину мне довелось пронести через огонь военных пожарниц и битв...».

А. Коткин

В ноябре 1941 года с установлением зимника Нарьян-Мар-Архангельск по рекомендации комсомола Алексей Коткин был назначен командиром вооруженного заслона, куда входили исключительно комсомольцы. Обязанностью «заслоновцев» была проверка документов у всех проезжающих по тракту в ту или другую сторону.

В августе 1942 года по комсомольскому призыву Алексей Коткин зачислен в Военно-Морской Флот. Однако служил в авиадесантных войсках. В городе Маркштадте (с 1941 г. Маркс) на Волге *«мы прошли суровую выучку воинов-авиадесантников и были зачислены в авиадесантные войска – самые мобильные в Советской армии»*.

«Когда началась война, я из своей дереvушки под Нарьян-Маром попал на флот, учили на сигнальщика. Но потом вышел приказ Сталина о формировании десантных дивизий, и в начале 42 года меня перевели в эти войска. Отсев был такой, что, по-моему, и в космонавты теперь не так строго отбирают. Например, медицинская проверка: нужно было пробежать по коридору на скорость. Бежишь что есть мочи, и вдруг посреди коридора... проваливаешься в специальную ловушку. Пролетаешь метра два и попадаешь «в лапы» к врачам.

Таким образом проверяли, годен ли человек к прыжкам с парашютом. Попрыгать мне потом изрядно пришлось – более ста раз... Только в тыл к немцам сбрасывали четырежды.

В сентябре 1943 года готовилась операция по освобождению Киева, и мы, десантники, должны были ударить немцев с тыла. Но с самого начала все пошло наперекосяк. В первую ночь посадили всех по самолетам, несколько часов продержали и высадили. Причин, конечно, нам не докладывали. А десантный паек уже выдали. У десантников тогда так было: впереди на штанах большие карманы, в них упаковывали запас питания на двое суток. Даже если по плану в тылу предстояло пробыть месяц, еды все равно на два дня. И боекомплект тоже по минимуму – только по одной обойме. Предполагалось, что все необходимое сбросят следом в специальных тюках на грузовых парашютах. Но за все свои боевые десантирования я такого тюка ни разу найти не смог. И те из моих знакомых, кто в тыл противника прыгал, тоже.

Сидели мы в самолетах, ждали взлета, а состояние было такое, будто последний день на свете живешь... Ведь все знают: десантник – это смертник. Чуть ли не половина из сброшенных и до земли живыми не долетят – их еще в воздухе расстреляют...

И наверное, о том, что нам боевой паек выдан и что мы на следующий день десантируемся, стало известно немцам – ведь эти места были только что освобождены, еще работала вражеская сеть осведомителей. Когда на следующую ночь самолеты с десантом все-таки легли на боевой курс, фрицы нас ждали. Стрельба по самолетам открылась такая, что им пришлось разлететься в разные стороны, да еще и сбрасывать парашютистов с высоты 4 тысячи метров вместо положенных восьмисот. Разнесло нас ветром так, что в условленную точку сумели собраться только 72 человека. Еды нет, оружия нет, численность для удара по тылам, прямо скажем, смешная... Решили пробиваться к своим.

Местность к скрытному передвижению не располагает – Украина же, перелесочки прозрачные, а дальше степь да степь. Две недели шли в постоянном боевом контакте с немцами... На поле зернышки осыпавшиеся наскребешь, вот и вся еда. Однажды по вони нашли труп лошади. Ее, похоже, еще летом убило, лежала в траве, разлагалась. Финками отпиливали по кусочку и ели. Капитан с нами был, предупреждал: «Ребята, аккуратнее с этой тухлятиной – желудки не выдержат!» Но многие не послушали, голод оказался сильнее разума. Так и вышло – несколько человек к утру умерли от заворота кишок в страшных мучениях.

Добрались до Днепра, соорудили плотик из подручных материалов, погрузили имущество и по октябрьской стыллой воде переплыли. Нас на пять километров течением снесло да выбросило прямо в середине немецкой обороны... До своих нас добралось всего 22 человека.

Это война. А когда вам в кино всякую красоту про войну показывают – не верьте. Она вся страшная, вся, от начала и до конца!»

С 1943 по 1945 год воевал на фронтах Великой Отечественной войны: на Украине, в Белоруссии, Венгрии, Австрии и Югославии,

«Боевое «крещение» получил в сентябре сорок третьего, когда нашу авиадесантную группу на самолетах Л И-2 забросили на Правобережную Украину западнее города Киева. Мне пришлось участвовать в авиадесантных операциях под Старой Руссой, в Белоруссии на Березине, где ликвидировалась окруженная при нашей помощи фашистская группировка из семи дивизий, в том числе двух танковых».

Служа в воздушно-десантной армии и выполняя специальные задания, он 4 раза получал поощрительные отпуска домой, но ни разу не воспользовался ими – долгие пути на Север.

Был трижды ранен. *«В феврале 1945 года наша 9-я гвардейская авиадесантная армия была брошена под озеро Балатон, где вел ожесточенные бои с немецко-фашистскими войсками 3-й Украинский фронт под командованием маршала Толбухина. Здесь мы, освобождая от фашистов земли Венгрии и Австрии, находились в непрерывных боях два месяца, взяли штурмом десятки больших и малых населенных пунктов, и том числе и столицу Австрии город Вену. К сожалению, до Дня Победы мне оставаться в строю не довелось – 28 апреля под городом Санкт-Пельшен я был в третий раз ранен, причем – тяжело. До октября был в госпиталях Вены (Австрия), Браилы (Румыния), Днепропетровска (СССР). В конце октября 1945 года добрался до Коткино в качестве военного инвалида».*

Награжден орденами Отечественной войны 1-й степени, Славы 3-й степени, медалями «За отвагу», «За взятие Вены», «За Победу над Германией» и многими другими.

МИРНАЯ ЖИЗНЬ

Алексей Коткин вернулся в родную деревню, где вскоре женился. Работал в колхозе, бухгалтером в школе, электриком, вел военизированные кружки. Всё это время учился без отрыва от производства. Закончил семилетку, затем 8-10-е классы, в пятидесятые годы начал учебу в заочной средней школе Архангельска.

«ЗАПОЛЯРЬЕ». ПЕРВЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ – ДЛЯ ДЕТЕЙ

С 1960 года Алексей Степанович был тесно связан с литературным объединением «Заполярье», активным участником которого был свыше 30 лет. В 1970 году (год столетия В.И. Ленина) за победу во Всесоюзном конкурсе под девизом «Ленина не видел я ни разу, но без Ленина не прожил я ни дня» за очерк «Зори Ильича» ему была присуждена третья премия и внеконкурсное право поступления на факультет журналистики Свердловского университета. В силу семейных обстоятельств от предоставленной возможности пришлось

отказаться, но результат придал уверенности в своих творческих силах.

Вначале Коткина привлекала детская тематика. В коллективных сборниках для детей, выпущенных Северо-Западным издательством в Архангельске, появились его рассказы «Бирюк», «Федюшкина мечта», «Антошка». В 1966 году в том же издательстве увидела свет первая персональная книжка «Антошка» тиражом в 15 тысяч. Это небольшие рассказы о юных жителях тундры.

«Рассказы для детей «Синяк», «В тундре», «Из жизни Яши Ламбея» были напечатаны в сборниках «Детгиза» «Времена года». Забегая вперед, скажу, что в последующие годы мною написаны и изданы для детей повести «Заповедное озеро» и «На краю тундры». Во всех произведениях для детей действуют их жизнелюбивые сверстники, для которых доброта во взаимоотношениях, взаимовыручка, трудолюбие, противостояние злу, несправедливости – главные критерии жизни. Таков Антошка и Яша Ламбей, и все остальные персонажи».

В повести «Заповедное озеро» (1977) Коткин А.С. пишет о том, что мы привыкаем к озеру, в котором ловим рыбу, к лесу, где собираем грибы и ягоды, и кажется, что родная природа всегда будет богатой и щедрой. Но она оскудеет, если мы забудем, что ее дарами надо пользоваться разумно и бережно. На эту актуальную тему размышляет автор, вместе с тем любуясь красотами северной природы.

«ВЗВОЛНОВАЛА ИСТОРИЧЕСКАЯ ТЕМА»

«Однако в шестидесятые годы меня взволновала и историческая тема нашего Нижнепечорья. Как известно, в 1918-20 годах на Архангельском, а также и Печорском Севере полыхала Гражданская война...».

Первая повесть «Красная ленточка» о становлении Советской власти на севере страны была опубликована в Северо-Западном издательстве в 1974 году. Название повесть получила от красноармейского отряда матроса Артеева, почти полностью погибшего в кулацкой засаде неподалеку от Ермицы и Нового Бора. Позднее в 1980 г. в Москве в издательстве «Современник» роман «Красная ласточка», в который первой частью вошла ранее опубликованная повесть, вышел тиражом в 100 тысяч экземпляров, а потом был переиздан в 1985 г. в Архангельске тиражом 30 тысяч.

«Мне очень помогли рассказы участников тех событий: отца Степана Михайловича и братьев Каневых, жителей Нарьян-Мара, с которыми мне посчастливилось говорить несколько раз и получить «живой» материал из первых рук. Более того, братья Иван и Александр Федоровичи, сражавшиеся против интервентов в партизанских отрядах в районах Ижмы и Усть-Цильмы, предложили мне съездить в район Усть-Цильмы, где они вели бои против карателей и взорвали склад с заморскими боеприпасами».

Роман принёс автору всесоюзную славу. В 1978 г. Алексей Степанович стал членом Союза писателей СССР (России).

Следующее его крупное произведение – роман-продолжение «Печорская история», посвящённый годам НЭПа и тому, как нововведения государства восприняло и поняло печорское крестьянство Заполярья. Издан в 1990 году в Москве в издательстве «Современник» 50-тысячным тиражом. Писатель работал глубоко и серьёзно, осознавая ответственность за историческую правду, необходимость запечатлеть историю родного края, не раскрытую прежде никем из авторов, в надежде, что будущие летописцы продолжат тему. *«После публикации двух романов я свою задачу в какой-то мере посчитал выполненной. Хотя задумки новые в голове и в душе зрели беспрерывно».*

В это время Алексей Степанович также являлся внештатным корреспондентом окружной газеты «Няръяна вындер», нередко приезжал в Нарьян-Мар в редакцию газеты, написал много статей в окружную и областную прессу. Эти материалы всегда имели конкретный и адресный посыл, служили сигналами для принятия действенных решений в разных областях жизни округа и деревни. Участник Великой Отечественной войны, он продолжал бороться уже не с оружием в руках, а журналистским и писательским пером, помогая менять жизнь к лучшему.

Вскоре вышла в свет повесть «Егор Ванюта» (1979). Затем в разное время в окружной и областных газетах публиковались: очерк «В ту далекую пору» (1979), «Главная песня» (1981), «Дорога на фронт» (1985), «Жизнь не без штормов» (1983), «На краю тундры» (1989) и др.

«Рабы обстоятельств» (1992), «Сульская мозаика» и десятки очерков и рассказов на самые различные темы.

«Однако во всех моих произведениях, больших и малых, лейтмотив один: борьба добра со злом, справедливости – с ложью. Этой же теме посвящен и мой третий роман «Синегорье», состоявший также из трех частей, увидевший свет в 1997 году в издательстве «Любостай».

За «Синегорье» в 1998 году А.С. Коткину была присуждена литературная премия имени Фёдора Абрамова.

Повесть «Рабы обстоятельств» (1992) *«...заняла своё место на полке библиотеки конгресса США, о чем я был уведомлен дирекцией Северо-Западного издательства, где повесть была напечатана».*

АРХАНГЕЛЬСК. ПИСАТЕЛЬ И ОБЩЕСТВЕННИК

С 1990 года А.С. Коткин с женой переехали на жительство в г. Архангельск. В 1993 г. в областной газете «Волна» опубликован его рассказ «Смерть адвоката», в 1996 г. в окружной газете «Няръяна вындер» напечатаны рассказы «Ошибка разведчика», «Попутчики», «Три версты для солдата – не расстояние».

Писателя часто приглашали на встречи с детьми
Фото из архива ЛитО «Заполярье»

Здесь писатель входил в состав бюро областной писательской организации, до 1998 года возглавлял клуб «Кавалеры ордена Славы», в октябре 1998 избран председателем Архангельского областного комитета ветеранов Великой Отечественной войны, а в декабре того же года в Москве введен в состав Российского комитета Великой Отечественной войны. В мае 2000 года возглавил группу (от Архангельской области) участников Парада Победы на Красной площади в Москве.

В последние годы жизни занимался литературным творчеством и вел работу в областном Комитете по патриотическому воспитанию молодежи. Активно участвовал в работе землячества «Тосавэй».

В эти годы были написаны повести «Вулкан» и «Выстрел на Югре». Первая посвящена землякам – воинам Великой Отечественной, их нелегкой судьбе и мужеству, вторая – последним дням жизни и трагической гибели на Югорском шаре первого председателя Ненецкого окрисполкома и члена ВЦИК И.П. Выучейского. В 2004 г. вышел четвертый роман А.С. Коткина «Заполярные страдания» о фронтовых буднях воинов из Ненецкого округа и о тружениках тыла в годы войны. В книге есть отзыв Евгения Дремова, члена Союза журналистов России, филолога, краеведа, где он в том числе пишет *«О войне как таковой много написано, но о тружениках тыла, их полуголодных мытарствах и напряженных буднях по разным причинам многое умалчивалось. Теперь это сделано впервые – честно и выстраданно»*.

Авторитет А.С. Коткина как фронтовика, общественного деятеля, публициста и писателя был признан. В своих произведениях он показал

конфликты и противоречия в общественных и межличностных отношениях, захватывающе проследил диалектику человеческих устремлений, художественно исследовал причины взлётов и падений героев своих романов и повестей. Язык всех его произведений ярок и самобытен, отличается сочным северным колоритом, глубоким знанием и пониманием описываемого.

А.С. Коткин – «писатель из заполярной глубинки» – был гражданином, журналистом с активной гражданской позицией и автором, посвятившим всю жизнь родному краю, который вдохнул в него талант к литературному творчеству. Как и Шолохов, он художественно воссоздал историю советского периода. Он написал художественно преображенные страницы истории Припечорья и тем самым воздвиг себе памятник. Всего издано 15 крупных его произведений общим тиражом более 250 тысяч экземпляров.

Талантливый писатель ушел из жизни 16 августа 2007 года. Похоронен в Архангельске.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В 2010 году ОГУ «Этнокультурный центр Ненецкого автономного округа» подготовил к печати и издал книгу «Сульская мозаика». Алексей Коткин написал эту документальную повесть в 1998 году, на склоне лет. Жизнь деревенской заполярной глубинки – древнего русского села Коткино на реке Суле, притоке Печоры, предстает перед читателем во всем переплетении преданий о первопоселенцах, колоритных характеров и судеб. «Правда о родном уголке», – так называл её автор. В 1994-1996 годах «Сульская мозаика» публиковалась в газете «Няръяна вындер». Книга издана впервые по рукописи, подаренной автором сельской библиотеке деревни Коткино.

Из воспоминаний дочери, Надежды Ярковой:

«Мне бы хотелось, чтобы его книги читали. Помню, как все они писались. Я была маленькая, он меня посадит и читает мне свои произведения. Он так артистично все прочитывал, как будто проживая каждую строчку. Поэтому мне, несмотря на возраст, было очень интересно. Помню его рукописи, написанные ручкой, а потом отпечатанные на машинке. Их было много-много, все такие исцирканные правками... Я горжусь своей детской причастностью к творчеству отца. Много помню, как он рассказывал о войне, наверное, это очень меня задевало. Он очень хорошо играл на гармошке и пел, мама рассказывала, как впервые увидела его: кудрявый чуб, гармошка, да как запел: она сразу влюбилась! Всегда был очень активный, его до самого конца было дома не застать, постоянно на встречах с людьми, где-то выступает».

Источники:

1. Альманах ЛитО «Заполярье» № 10, 2009. - С. 3.
2. Альманах ЛитО «Заполярье» № 12, 2012. - С. 19-20.
3. Ермолина И.П., Корепанова Л.Ю. Коткин Алексей Степанович //Ненецкий автономный округ. Энциклопедический словарь. - М.: Аванта+, 2001. -С. 135-136.
4. Коткин А.С. Заповедное озеро: Повесть. - Архангельск: Северо- Западное кн. изд-во, 1977.
5. Коткин А.С. Заполярные страдания: роман / Алексей Коткин. – Архангельск: Правда Севера. 2004. – 314 с.
6. Коткин А.С. Автобиография, 1999, из архива ЛитО «Заполярье»
7. Коткин А.С. Антошка: рассказы. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1966.
8. Коткин А.С. Красная ласточка: роман. - Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1985.
9. Коткин А.С. Егор Ванюта: повесть. - Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1981.
10. Коткин А.С. Заповедное озеро: повесть. - Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1977.
11. Окладникова Т.П. Коткин Алексей Степанович. Календарь знаменательных дат. - Нарьян-Мар: НО ИППК, 2004. -С. 27-28.
12. Окладникова Т.П, доклад на тему А.С. Коткин – писатель заполярной глубинки, 2019
13. http://gazeta.aif.ru/online/longliver/67/18_01

ФРАГМЕНТЫ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А.С. КОТКИНА

Из повести для детей «На краю тундры»

...Скоро настал день и час, когда Яша вместе с папой и с другими пастухами влез в пропахшее бензином брюхо вертолёта. Вертолёт железно зазвенел, подпрыгнул и взмыл в небо. Остались позади Печора, большие и малые озёра. Внизу появлялись и исчезали новые озёра и речки, а вертолёт всё летел и летел. И небо не кончалось.

– Когда наступит другое небо? – спросил Яша.

– Небо одно для всей земли. И оно бескрайнее, – ответил папа.

– А тундра с краем?

– С краем. На один из краёв, где тундра с морем встречается, мы и прилетим, – улыбнулся папа.

Яша припал лицом к круглому оконцу и начал смотреть на проплывающую внизу тундру. И тундра с высоты показалась ему очень пустынной и скучной.

Такой же однообразной предстала тундра перед Яшей и тогда, когда он вылез из вертолѐта и осмотрелся...

...Наконец Яша сидит на нартах позади отца и напряжѐнно вглядывается в озѐра, мимо которых идѐт их упряжка из пяти оленей. Эти озѐра с вертолѐта казались мѣртвыми. На самом же деле на них жизнь бурлила. Здесь гнездились утиные стаи, с криками носились чайки. А вдали белыми комьями плавали лебеди. Много. Может, сто и больше. У Яши даже дух захватило от увиденного. И он укорил себя за то, что вначале посчитал тундру скучной...

...Яша успел насытиться ухой, рыбой, чаем, а папа с пастухами все еще сидели за столом, разговаривали о всяких делах и пили чай. Выьет папа кружку, вытрет лицо да шею полотенцем и скажет:

– Пожалуй, еще кружечку убаяюкаю.

Папа всякий раз «убаяюкивает» по семь-восемь кружек чаю. Яша вышел из домика-балка, который стоит на громадных нартах. При переездах домик тащат шесть оленей.

Захотелось осмотреться. А то ведь он уже пять или шесть часом живет на самом краю тундры и край-то этот по-настоящему не разглядел. Конечно, не по своей оплошности или лени. Все это время Яша занимался делом. После поездки за рыбой натаскал в балок дров, разжег печку железную и вскипятил на ней два чайника. Эх, видела бы все это Тамара! Она бы, пожалуй, от зависти лопнула. И перестала бы, пожалуй, хвастаться да смеяться над ним. Яша приласкал подбежавших собак и отправился вокруг балка в поисках почтового ящика. Но, к его удивлению, ящика на балке не было. Куда же он опустит письмо, чтоб оно улетело к Тамаре Зориной? Или письма отсюда улетают не через почтовый ящик, как в поселке? «Об этом надо спросить папу. Папа все знает», – решил Яша. Затем он взобрался на самую вершину сопки, подле которой стоял балок. И в широкой лощине увидел какую-то странную сеть, висевшую на кольях большим кольцом.

– Эге-ге-гей! – крикнул Яша и во весь дух припустил в низину, к сети. Ноги, обутые в легкие просмоленные сапоги из оленьей шкуры, несли его стремительно, даже ветер свистел в ушах. Яша перепрыгивал через багульник и карликовые березки, уже развесившие листики-копейки. Но вдруг споткнулся и упал. Лишь по счастливой случайности он не поцарапал руки и лицо о сплошной низкорослый ивняк, который тундровики называют ерником. Вдруг взгляд Яши упал на коричневую коряжку, торчавшую в самой середине березового куста. «Как птичья голова!» – удивился он. Шагнул к этой коряжке и вдруг замер. Коряжка смотрела на Яшу круглым и черным, как маленькая пуговка, глазом. Так это же куропатка в летней одежде! Но почему она не улетает, почему не боится его? Может, она ранена или больна? И только Яша протянул к птице руки, как она юркнула под кривой ствол березки. В следующий миг птица взлетела и уселась на ближайший бугорок. «Кэб, кэб, кэб!» – обеспокоенно прокричала она. И тут же с другой стороны донеслось тревожное и грозное:

«Каб-бар-р! Каб-бар-р!» – и другая птица, будто свалившись с неба, села в каких-нибудь пяти шагах от Яши. У этой птицы оперение было посветлее, голова задиристо вздернута, а над глазами у нее огнем полыхали красные-прекрасные брови.

Яша глянул в куст и разглядел птичье гнездо. В нем плотным кружочком лежали коричневые яйца. Штук десять. Так вот оно что! Яша согнал с гнезда куропатку-маму. А тот сердитый и краснобровый, выходит, папа. Яша заглянул в следующий куст, и там сидела, не шевелясь, коричневая птица. И в третьем сидела, и в четвертом... Чтоб не тревожить птиц, Яша стал осторожно уходить прочь.

Вскоре он оказался возле странной сети, натянутой на колья. Сеть была сделана не из ниток, как рыбацкая, а из крепких верёвок толщиной в Яшин указательный палец. Ячейки сети почему-то громадные. Яша попробовал в одну из них протолкнуть голову. И его голова почти пролезла. Уши помешали. Но какую же рыбу ловят в такую сеть? Может, семгу или акулу? И неужто в эту низину тоже заходит море? Но море же отсюда далеко. Его с сопки от балка только чуть-чуть видно...

Яша думал-думал, но придумать так ничего и не успел. Его позвал папа:

– Вот и на дежурство выезжать время пришло, – отвязал упряжку и... протянул вожжю Яше. – Попробуй поуправляй. Хорей и вожжю держать умеешь?

– Держать умею... А как управлять? – растерялся Яша.

– Смелей, смелей, Яков! – вмешался бригадир.

– Да и я рядом буду, в случае нужды, подскажу, – сказал папа и показал, как следует пользоваться вожжой и длинным шестом, хореем.

С радостно забившимся сердцем Яша принял из рук папы хорей, вожжю, но вспомнил о письме и спросил про почтовый ящик. Папа сказал, что на стойбище ящика нет. Есть ящики лишь у геологов за Печорским морем да в поморской деревне на берегу Баренца. Но до них по два десятка километров. Потому письмо, если в нем нет секретов, можно отправить говорящим. По радио. Яша, конечно, обрадовался, что его письмо полетит таким способом, однако ответил не сразу. Вначале он подумал, есть ли в его письме секреты.

– То не секрет, что у нас рыба ловится на берегу? – спросил он.

– Не секрет.

– И то, что я, может быть, сражусь с волками, не секрет?

– Конечно.

– А... а если я Тамару в письме по секрету поцеловал, то не секрет?

– Вот это-то, пожалуй, секрет, коль по секрету целуешь, – папа слегка удивился, задумался.

– Но секрет можно по радио и не передавать. Вместо секрета передать Тамаре привет, и ладно будет, – пришел на помощь папин напарник дядя Гавря.

– Ага, можно! – обрадовался Яша и добавил: – Пусть письмо летит говорящим. И без секрета, а только с приветом, – и протянул конверт

бригадиру.

И-и-иэх! – в ту же минуту вскрикнул он, стеганул вожжсой передового по боку и ловко вскочил на нарты.

Две упряжки – дяди Гаврина впереди, а Яшина за ней – быстро пошли по бугристой тундре. Пошли туда, где сквозь лохматые тучи чуть проглядывало вечернее солнце. Туда, где ждало пастухов оленьё стадо.

Из повести для детей «Заповедное озеро»

Костя и Федька родились тринадцать лет назад в один день и час. Они братья-близнецы. Только внешностью и характером друг на друга не похожи ни капельки. Костя высок, тонок, как лозинка, рыж от пяток до волос, остер на язык, боек, как быстроводная Соймянка. Федька же своей макушкой чуть-чуть достаёт до Костиного плеча, но широк в кости и смугл, как закопчённый котелок. Говорит он медленно, будто выталкивает изо рта не слова, а камни, ходит лениво, вразвалочку, как утка. По словам их мамы Татьяны Кирилловны, Федьку может заклевать и дохлый воробей, а от Кости, как от огня, бегут все деревенские собаки. Костя не переносит, когда его опекают, и частенько показывает свой характер...

...Старенькая лодка-неводник чуть подрагивала под двенадцатисильным подвесным мотором «Ветерок» и шумно резала носом рыжую воду Соймянки. Кирилл Петрович лежал на носовой банке, жмурил глаза и мурлыкал какую-то бесконечную песенку. Он изредка приподнимал голову, коротким взглядом ощупывал быстро ускользящий назад берег и ложился вновь. Костя будто прикипел к румпелю мотора. Он, как и полагается капитану, был строг, сосредоточен и ни на какие Федькины ужимки не отвечал даже подобием улыбки. Старая мичманка с треснувшим посередине козырьком и потемневшим от времени «крабом» то и дело сползала ему на глаза. Костя поправлял фуражку указательным пальцем и резко, но беззлобно покрикивал на брата:

– Не крутись! Не мешай вести судно!

Федька послушно прижимался к брезенту, на какое-то время замирал. Но не виданный до того мир, который открывала перед ним река за каждым поворотом, заставлял его скоро забываться. Через минуту-две Федька появлялся над брезентом вновь...

...Утром отправились по чуть приметной тропинке к озёрам. До первого из них, где находилась маленькая озёрная лодка, шли чуть больше получаса. Озеро было похоже на громадную чашу, заполненную тёмно-синей водой и обрамлённую сплошным лесом. Чуть поодаль бархатистой стеной зеленели ели. И если бы не их верхушки, отпечатавшиеся на горизонте зубьями гигантской пилы, можно было подумать, что этот заслон кто-то построил специально,

чтоб оградить озеро от непогоды. А ближе, по колению утопая в разнотравье, разбежались по полянкам стройные берёзки, похожие на голенастых девчонок в зелёных кофточках: будто прибежали они на урок физкультуры да так и застыли, замороженные красотой озера. Справа же, похожий на гигантского богатыря в дозоре, навис над озером своей громадой Хальмеркамень, одетый в изжелта-рыжую моховую шубу. И всё это вместе с безоблачным небом, как в зеркале, отражалось в синей глади озера. А на противоположной стороне, где кудрявилась грива ивняка, виднелись четыре протоки, за которыми просматривалась синь других озёр.

– Я ещё такой красоты не видал! – крутнул головой и вздохнул Костя, когда их лодка заскользила по озеру, разгоняя мелкую волну.

– А где ты бывал, чтоб такое видеть? – Дед сильными взмахами весла подгонял лодку с кормы. – Да если ты всё Малоземелье на брюхе проползёшь, и то такого не встретишь! Природы, брат, повторов не любит. Я тысячи вёрст по земле исколесил, а одинаковых и двух берёз не встретил. Костя смущённо крякнул, но с ответом не нашёлся. А лодка. Миновав одну из проток, уже выкатилась в соседнее озеро с крохотным травянистым островком посередине.

– Табань, брат! – неожиданноскомандовал Кирилл Петрович и припал грудью к коленям. В тот же миг до слуха ребят долетело тревожное лебединое курлыканье, и они увидели красавца лебедя, который быстро плыл от островка навстречу лодке.

– Вот незадача! – вздохнул дед. – Тут одно за другим ещё лежат два озера. И рыбы в них уйма, но вот лебеди... Гнездо у них на островке. Эти птицы, конечно, умеют постоять за своё потомство. Но если мы будем тревожить их каждый день, не выдержат... Что ж, пусть озеро пока будет заповедным...

...Вдруг где-то хрустнуло, и Федька остановился, замер. Лицу стало жарко, в ушах зазвенело, а сердце заколотилось гулко и часто. Но в следующую минуту, когда Федька перенёс тяжесть тела на больную ногу и вновь раздался хруст, он понял, что это сухая ветка под ногами. «Трус! Трус! Трус!» – Федька прикусил до боли нижнюю губу и начал упорно карабкаться по склону сопки вверх. Он натыкался на мелкие берёзы, кустарники, по его лицу струйками катился пот, руки саднило от царапин, но Федька лишь отдувался, лизал пересохшие губы и лез, лез, лез... Наконец остался позади лес, началась каменистая, кое-где обтянутая многовековым слоем мха вершина, и здесь мужество вновь покинуло Федьку. Ему казалось, что на сопке кто-то ходит – Федька даже слышал редкие, тяжёлые вздохи. Размахнувшись, он со всей силой швырнул топор туда, откуда доносились вздохи, и метнулся с сопки вниз, но зацепил ногой какой-то выступ и упал на землю.

Прикрыв голову руками, Федька долго лежал, не шевелясь. Он почти не дышал и каждое мгновение ждал, что кто-то навалится на него и навсегда

вдавит в каменистую землю или швырнет в заповедное озеро...

Но никто не наваливался, не хватал его. И это Фёдку маленько приободрило. Смахнув с носа прелые ворсинки мха, он приподнял голову, прислушался. Где-то изредка погукивало, как бы постанывал сам Хальмеркамень, но кругом не было ни души. По-прежнему перемигивались звёзды в стылой черноте неба, лёгкий ветерок ласкал прохладой Фёдкино разгорячённое лицо, далеко внизу сонно ворковала Соймянка. И Фёдке вдруг стало невыносимо стыдно за свою трусость перед этим прекрасным миром...

Из повести «Егор Ванюта»

...Благословенно ты, Печорское Малоземелье – студёная окраина земли российской, – в пору своего пробуждения! Есть, конечно, на Земле уголки покраще и побогаче тебя, но по широте, по раздолью могут сравниться с тобой только разве степи Придонья да Кубани, а по буйству весеннему и в целом мире не сыскать равного!.. Ведь только неделю назад солнце по-настоящему лизнуло горячим языком снежную паницу твою, а сегодня ты уже вскипело, вспенилось тысячами бесшабашно звенящих ручьёв, наливающих мать Печору весноводьем, многоглазно засверкали на твоём иссечённом скудными перелесками бугристом лице зеркально-чистые озёра, наполненные прихлынувшей с дальних южных мест жизнью. Сбросило ты с себя долгую зимнюю полудрёму и теперь упиваешься благодатью – наступившим многомесячным днём, жадно пьёшь большими глотками незаходящее солнце, чтобы насытиться самому жизненным соком и поднять на крыло до осени многотысячное пернатое царство, накормить всё живое, обитающее на твоих просторах!...

Из повести «Сульская мозаика»

...Фёдор Андреевич – это, пожалуй, одна из наиболее ярких и противоречивых по складу характера личностей среди сверстников не только в Коткино, но и вообще в Присулье. Прежде всего, конечно, это был добрый семьянин, умевший на любой работе не тлеть, а гореть. По трезвости он не уступал почти никому, в том числе и брату своему Акиму. А в рыбной ловле, в наладке сетей, мереж, фетелей, неводов умением и страстью значительно его превосходил.

– Ха! Стану я ноги бить двенадцать вёрст туда да обратно за одной щукой! Я, бат, щуку-то и в Грязной луже добуду! – говорил как-то Фёдор

брату Акиму, предложившему выставить уды в Сорожьи озёра. Такое заявление, конечно, кое-кем, плохо знавшим Федю-Бата, было воспринято как бахвальство.

Поскольку в существовавшем тогда в нижнем конце деревни озере, которое весьма пренебрежительно именовалось Грязной лужей и из которого брал начало ныне пересохший, вернее, заваленный навозом Таблеихин ручей, кроме водяного клопа, не водилась ни одна живулька. Но кто бывал с Фёдором Андреевичем в деле, тот понимал, что это была всё-таки самооценивающая истина, только чуть-чуть преувеличенная. Этот человек умел ловить рыбу практически в любом водоёме, умел одним из первых закончить страду, всякий раз обеспечивая свою живность в хлебах высокосортным сеном, умел «перещеголять» и многих охотников в лове куропатки.

– Федя-Бат, когда на работе, ступью не ходит, всё в пробег. А уж коль на гулянку выйдет – будто плывёт, уж воды не расплещет! – говорили о нём в деревне с неизменным уважением, как к хозяину крепкому, с царьком в голове. Очень высокого мнения о трудолюбии, сноровистости Фёдора Андреевича был и мой отец, которому доводилось рядом с ним косить, метать сено, бывать вместе на путинах и лове куропатки. Как-то зимы две они выезжали «за куроптем» в район Индиги и ловили «заодно», т.е. в один котёл.

– Я мух ртом тоже не ловил, но за Фёдором в постановке сильев угнаться никак не мог. Бывало, начнём нагрывать сугроб в одно время, я тороп-люсь, весь в поту, руки снуют безостановочно, а Фёдор уж колонул лопаткой по лыжам, уж идёт и для нового сила место приглядывает, – рассказы-вал о том периоде отец. А ведь он «мух в деле не ловил» и был моложе Фёдора Андреевича годов на двадцать!

Овдовел Фёдор рано, ещё не успев стать фактическим дедом. Однако это не помешало ему в одиночку поднять на ноги, приучить к трудолюбию дочерей Раиду, Палексену, Августу, Ирину, сыновей Евгения, Ивана и Степана. Не могу не отдать дань памяти и не вспомнить о Степане Фёдоровиче – весельчаке, балагуре, первом продавце из сулян в госторговской лавке – погибшем вместе с таким же пареньком-весельчаком из Сулы Никодимом Степановичем Апицыным в сороковом году под Выборгом во время войны с финнами. Эти ребята первыми в Присулье отдали свои молодые жизни на поле брани, не успев ни полюбить, ни жениться. Сейчас из детей Фёдора Андреевича в живых осталась лишь Августа, проживающая в Архангельске близ дочери. Внуки и правнуки его живут в Коткино, в Виске, в Архангельске и в других поселениях необъятной России.